

ИДИОМАТИКА И АФОРИСТИКА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

УДК 821.161.1:398.9

ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИННОВАТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПОСЛОВИЦ В ТЕКСТЕ (на материале языка Л.Н. Толстого)

О.В. Ломакина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Иловайская, 9-2, Москва, Россия, 109651
rusoturisto07@mail.ru

В настоящее время одним из актуальных вопросов современной фразеологии является изучение фразеосемантики. Статья посвящена рассмотрению семантической инноватики фразеологизмов и пословиц в текстах разных стилей и жанров одного автора. Приводятся примеры фразеологических конфигураций и анализируются способы семантизации фразеологических единиц и пословиц в тексте. Новизна исследования состоит в том, что описаны способы авторской «самодефиниции» и ее роль в формировании смыслового понимания фразеологии. Особое внимание уделяется семантическим преобразованиям фразеологизмов в тексте, благодаря которым фразеологические единицы получают дополнительный семантический оттенок, новое значение или изменение коннотации. В качестве иллюстративного материала исследования выступает язык Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: фразеологический контекст, семантизация, фразеологическая единица, пословица, фразеологическая конфигурация, фразеологический актуализатор, семантические преобразования, язык Л.Н. Толстого.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из векторов современной фразеологии является исследование фразеологической семантики. Основой для изучения фразеосемантики стали труды В.Л. Архангельского, В.П. Жукова, А.В. Кунина, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия [1; 2; 4; 6; 9; 10], для описания которой был создан и обоснован метод структурно-семантического анализа фразеологических единиц (далее — ФЕ), строящийся на соотношении плана содержания и плана выражения семантической структуры ФЕ [7; 8].

Движение от речи к языку характеризует динамические процессы в области фразеологии, паремиологии, крылатологии, проявляющиеся в первую очередь

в контексте, который обнаруживает новые смыслы единицы, впоследствии фиксируемые лексикографами. «Семантические определения должны с максимальной полнотой передавать контекстуальное осмысление ФЕ, отражая его обусловленность особенностями стиля, мировоззрением автора» [8. С. 324]. В контексте смысловая реализация значения ФЕ и пословиц происходит благодаря фразеологическим актуализаторам в составе фразеологических конфигураций [5. С. 7]. Именно фразеоконтекст позволяет выявить все смысловые нюансы при употреблении фразеоресурсов языка, характеризуя авторские предпочтения.

АВТОРСКАЯ «САМОДЕФИНИЦИЯ» КАК ПРИМЕР СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИННОВАТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПОСЛОВИЦ В ЯЗЫКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Смысловые реализации значения как ФЕ, так и паремий осуществляются в составе контекста. Несмотря на кажущуюся разработанность проблемы фразеоконтекста во второй половине XX в., ученые продолжают исследовать фразеоконтекст и отвечать на нерешенные вопросы, возникающие при описании ФЕ в связи с их контекстуальным употреблением. А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко дополнили разработанную теорию фразеологического контекста А.В. Кунина, указав на необходимость рассмотрения терминологической триады *фразеологическая конфигурация = фразеологический контекст + ФЕ + фразеологический актуализатор*, в которой под фразеологической конфигурацией ученые понимают «структурно-семантическое и стилистическое единство, образуемое ФЕ и фразеологическим контекстом» [7. С. 346], а под фразеологическим актуализатором — «слово, словосочетание, предложение или группа предложений, семантически связанные с употребляющимися в данном контексте фразеологизмами, вводящие их в речь при узуальном или окказиональном использовании» [3. С. 199].

При изучении языка писателя особый интерес вызывают различные индивидуально-авторские приемы использования фразеологических ресурсов языка. Одним из способов экспликации коммуникативного намерения писателя является авторская «самодефиниция» (термин А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко), т.е. толкование единиц с целью уточнения, конкретизации общеизвестного, узуального значения. Приведем примеры фразеологических конфигураций, служащих определению смыслового содержания пословиц, где Толстой прибегает к авторской «самодефиниции», например:

Да, праздность — мать всех пороков, в особенности умственных: ложных рассуждений: политика, наука, богословие (Дневники, 22 ноября 1907 г.).

— *В тесноте, да не в обиде*, — сказал певучим голосом улыбающийся Тарас и, как перышко, своими сильными руками поднял свой двухпудовый мешок и перенес его к окну. — *Места много, а то и постоять можно, и под лавкой можно. Уж на что покойно. А то вздорить!* — говорил он, сияя добродушием и ласковостью («Воскресение», ч. 2, гл. XLI).

В первом примере пословица *Праздность — мать пороков* подвергается экспликации за счет определительного местоимения *всех*, выступающего в качестве обобщающего понятия. Семантизация представлена посредством присоеди-

нительной конструкции, включающей обобщающее слово и ряд однородных определений. Так писатель выражает свое отношение к изображаемому и наполняет его индивидуально-авторским смыслом: существительные *политика, наука, богословие* выступают как контекстные синонимы, а атрибутивное словосочетание *ложные рассуждения* — в роли обобщающего слова. Пословица *В тесноте, да не в обиде* обычно используется, если говорится о переполненном помещении и такая ситуация всех устраивает. Приведенный контекст употребления этой паремии представляет собой реплику диалога и состоит из четырех предложений. Предложение, включающее пословицу, и следующее за ним предложение не только противопоставлены друг другу по количественному признаку ‘мало — много’, но и связаны с предыдущим общейемой ‘пространство’. Таким образом, несмотря на формальные показатели, этот пример, на наш взгляд, стоит трактовать как способ окказиональной семантизации: для писателя важно не просто «видимое» свободное место, а необходима реализация более глубокой семантики «довольствоваться малым».

Фразеологические конфигурации в языке Л.Н. Толстого помогают семантизации, раскрывая значения единицы с писательской точки зрения, что важно для уточнения семантики ФЕ и пословиц, а также находят отражение в словарных статьях авторского фразеологического словаря: подчас писатель не просто реализует узусное значение, а привносит смысловые оттенки. В контекстуальном употреблении семантизация может осуществляться разными способами, язык Л.Н. Толстого содержит подобные доказательства.

В языке писателя преобладают случаи, когда семантизация производится при помощи синонимов, в роли которых могут выступать разного рода устойчивые единицы.

Особую сложность при понимании и фразеографическом описании значения представляют камерные, используемые в семейном дискурсе ФЕ. Например:

*Стоит ли материально устраиваться подле меня, когда моя жизнь на волоске и я всякий день могу **отправиться в большое путешествие*** (Письмо А.Л. Толстой 4 сентября 1895 г.)

В представленном примере ФЕ *отправиться в большое путешествие* актуализируется значением ФЕ *на волоске*, что иллюстрирует высказанный ранее тезис о роли синонимов в смысловой репрезентации ФЕ.

В приведенных ниже примерах для семантизации одной паремии писатель приводит другую пословицу, выступающую в качестве контекстуального синонима:

Матрена. ***Бог души не вынет, сама душа не выйдет. В смерти и животе Бог волен, Петр Игнатьич. Тожже и смерти не угадаешь. Бывает, и поднимешься. Так-то вот у нас в деревне мужик совсем уж было помирал...*** («Власть тьмы», д. 2, явл. XII).

Мужик (присаживается на порог). *Отчего же доброму человеку не дать?*

Работник. *Дать-то — дашь, да назад не возьмешь. Долги давать — под гору кидать, а собирать — на гору вытягивать. Так-то старики говорят* («Первый винокур», д. 3, явл. 5).

Беды от этого особенной не было бы, если бы эти дармоеды занимались букашками и звездами рядом с картами, скачками, нарядами, чем бы дитя ни тешилось, только бы не плакало, но беда в том, что знает кошка, чье мясо съела, эти люди хотят оправдать свою праздную и незаконную жизнь на шее других людей тем, что они заняты самым важным делом, науками, и для этого называют наукой те пустяки, к[отор]ыми они занимаются, уверяя, что все это они делают на пользу людей (Письмо Ф.А. Абрамову 7 сентября 1900 г.).

Приведенный ниже минимальный контекст представляет собой фразеологическую конфигурацию, где наблюдаем семантизацию книжной ФЕ *наставлять / наставить на путь истинный* в значении «Воздействуя каким-либо образом, побуждать кого-либо изменить поведение в хорошую сторону, склонить к хорошему» [12. Т. 2. С. 17] посредством ряда контекстуальных синонимов, в т.ч. ФЕ-латинизма *золотая середина* «Образ действия, поведения, лишенный крайностей» [12. Т. 2. С. 235], что увеличивает экспрессивный характер ФЕ:

Старец получил письмо от старого Еропкина, предупреждающее его о приезде дочери и об ее ненормальном, возбужденном состоянии и выражающее уверенность в том, что старец наставит ее на путь истинный — золотой середины, доброй христианской жизни, без нарушения существующих условий («Фальшивый купон, ч. 2, гл. XII).

Представленный ниже контекст включает ФЕ *дело прикрыть*, для семантизации которой Л.Н. Толстой использует ФЕ *концы в воду* со значением «Сделать так, чтобы не осталось никаких улик, следов чего-л.» [12. Т. 1. С. 315]. Примечательно, что следующее за этим предложением — парцелированная конструкция, также включающая «осколок» ФЕ *стихнуть со двора*, сохраняющий узуральное значение «прогнать», и ФЕ *без греха*:

Матрена. Тоже острабучилась как баба. Да и то сказать, обидно. Ну, да слава богу, дай это дело прикроем, и концы в воду. Стихнем девку без греха. Останется сынок жить покойно («Власть тьмы», д. 4, явл. XIII).

Следующий пример содержит ФЕ *сколько воды утекло* и трансформ пословицы *Времени не воротить*, которые образуют фразеологическую конфигурацию, эксплицирующую временную семантику, а семантизация ФЕ происходит при помощи паремии:

— Да, княжна, — сказал, наконец, Николай, грустно улыбаясь, — недавно кажется, а сколько воды утекло с тех пор, как мы с вами в первый раз виделись в Богучарове. Как мы все казались в несчастии, — а я бы дорого дал, чтобы воротить это время... да не воротить («Война и мир», эпилог, ч. 1, гл. VI).

В приведенном ниже примере семантизация пословицы *Десять раз примерь, а раз отрежь* происходит посредством ФЕ *резать по живому*, которая выступает актуализатором и уточняет значение пословицы:

Анна Павловна. Еще бы, разумеется. Переживать все, что было, еще раз, было бы ужасно.

Каренин. Да, вот где десять раз примерь, а раз отрежь. Резать по живому очень трудно («Живой труп» д. 1, явл. 9).

Кроме перечисленного писатель использует обратный прием, употребляя ФЕ в качестве актуализатора лексического значения слова. В следующем предложении ФЕ *море по колено* (Ср.: *Пьяному море по колено, а лужа по уши*) и *трын-трава* выступают в качестве контекстуальных синонимов и служат в романе «Война и мир» для уточнения значения лексемы *размашистость*:

Губернская жизнь в 1812 году была точно такая же, как и всегда, только с тою разницею, что в городе было оживленнее по случаю прибытия многих богатых семей из Москвы и что, как и во всем, что происходило в то время в России, была заметна какая-то особенная размашистость — море по колено, трын-трава в жизни, да еще в том, что тот пошлый разговор, который необходим между людьми и который прежде велся о погоде и об общих знакомых, теперь велся о Москве, о войске и Наполеоне («Война и мир», т. 4, ч. 1, гл. IV).

В контексте статьи о вегетарианстве «Первая ступень» ФЕ *сажать / посадить на хлеб и воду* получает концептуальное значение. Здесь также происходит обратная семантизация, когда писатель включает ФЕ в вопросно-ответное единство с целью актуализации высказывания: ФЕ со значением «Наказывать лишением пищи, ограничениями в еде» [12. Т. 2. С. 212] получает дополнительный семантический оттенок, вербализованный в вопросе:

В чем наказание самое жестокое с детства? Посадить на хлеб и воду. Кто получает из мастеровых наибольшее жалованье? («Первая ступень», VIII)

Семантизация может происходить за счет контекстуальных синонимов. В повести «Крейцера соната» писатель использует амплификацию, где в качестве контекстуальных синонимов выступают глагольные лексемы *победить, смять, перекрутить* и ФЕ *свить веревку*, употребляемые в функции однородных членов, обобщающим словом при которых выступает предложение *все, что захочет*, благодаря этому ФЕ получает окказиональное значение:

Мучался я особенно том, что я видел несомненно, что ко мне у ней не было другого чувства, кроме постоянного раздражения, только изредка прерываемого привычной чувственностью, а что этот человек, и по своей внешней элегантности и новизне и, главное, по несомненному большому таланту к музыке, по сближению, возникающему из совместной игры, по влиянию, производимому на впечатлительные натуры музыкой, особенно скрипкой, что этот человек должен был не то что нравиться, а несомненно без малейшего колебания должен был победить, смять, перекрутить ее, свить из нее веревку, сделать из нее все, что захочет («Крейцера соната», гл. XXI).

В следующем контексте ФЕ употребляется с сопроводительным существительным *картошку*, имеющим конкретное значение, что расширяет семантический объем ФЕ для выражения эмоционально-психической сферы человека: в парцелированном предложении писатель параллельно употребляет другие ФЕ, выступающие как контекстуальные синонимы и помогающие раскрыть семантику фразеологического новообразования, появившегося на метафорической основе.

Митрич. Запил, так запил! Теперь недели две смолить буду, картошку под орех разделаю. До креста пропьюсь, шапку пропью, билет заложу и не боюсь никого («Власть тьмы», явл. 1. д. 10).

ФЕ *разделявать/разделить под орех* зафиксирована в трех значениях: «1. Зло и беспощадно ругать, распекать, критиковать за что-либо. 2. Полностью побеждать в игре, в драке, в сражении. 3. Делать мастерски, хорошо, безупречно» [12. Т. 2. С. 180]. ФЕ в данном примере приобретает новое значение «сплошь, полностью, целиком». Использование этого приема подчеркивает напряженность эмоционального состояния персонажа, динамичность действия.

Другим способом семантизации является употребление однотипных по структуре синтаксических конструкций, «определяющих, конкретизирующих, развивающих» значение ФЕ или пословицы [7. С. 352]. Приведем примеры:

*Вспоминаю все сотни и тысячи людей городских, — и хорошо живущих, и бедствующих, — с которыми я говорил о том, зачем они пришли сюда, и все без исключения говорят, что они пришли сюда из деревни кормиться, что **Москва не сеет, не жнет, а богато живет**, что в Москве всего много и что потому только в Москве можно добыть те деньги, которые им нужны в деревне, на хлеб, на избу, на лошадь, на предметы первой необходимости. («Так что же нам делать?», XIII).*

***Много воды утекло** с тех пор, много людей умерло, много родилось, много выросло и состарилось, еще более родилось и умерло мыслей («Два гусара», IX).*

В первом примере, представляющем собой сложное предложение, паремия *Москва не сеет, не жнет, а богато живет* употребляется наряду с другими однородными придаточными предложениями (*в Москве всего много, только в Москве можно добыть... деньги*), которые служат отражению писательского видения. Кроме того, Толстой частично дополняет значение паремии, напоминая, что в деревне источник всяческого богатства. Во втором примере семантизации ФЕ *много воды утекло* служат другие, похожие по структуре простые предложения, которые объединены в бессоюзное сложное предложение.

ИННОВАТИКА В ПРЕОБРАЗОВАНИИ СЕМАНТИКИ ФЕ

Наряду с авторской семантизацией, иллюстрацией инновационного потенциала фразеологии в языке Л.Н. Толстого является семантическое варьирование ФЕ. Специфика фразеологической семантики состоит в переосмыслении компонентов ФЕ, в результате чего ФЕ получает новый семантический оттенок или новое значение, изменяется коннотация, происходит экспликация внутренней формы и под. Этот тип варьирования находит отражение в работах А.В. Кунина, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.И. Фёдорова [3; 7—9; 11].

По мнению А.И. Фёдорова, постоянство фразеологической семантики обусловлено однотипным, постоянным окружением [11. С. 160], следовательно, при анализе семантических преобразований важным является контекстуальное окружение ФЕ, в т.ч. многозначных. Рассмотрим семантические преобразования ФЕ в языке Л.Н. Толстого.

ФЕ может приобретать дополнительный семантический оттенок в контексте:

Леонид Федорович. *Что же, вы покупаете землю, что ли?*

1-й мужик. *Двистительно, это **как есть**. Происходит... значит, насчет покупки собственности земли («Плоды просвещения, д. 1, явл. 26).*

Ср.: *как есть* — «совершенно, совсем» [13. С. 103], «1. В чем остался одет; как был. 2. Совсем, абсолютно (все, ничего). 3. Настоящий; подлинный» [12. Т. 1. С. 229—230], в данном примере — «Точно». Появившийся семантический оттенок соотносится со 2-м значением ФЕ.

Дополнительный семантический оттенок ФЕ появляется как следствие морфемного варьирования:

Никита. *А нуще всего тошно мне, Маринушка, что один я и не с кем мне моего гора размыкать* («Власть тьмы», д. 5, явл. 4).

Если ФЕ *мыкать горе* обозначает «Переживать страдания, лишения, нужду, неустроенность в жизни» [12. Т. 1. С. 388], то ФЕ *размыкать горе* получает оттенок конкретизации фразеологического значения «Делить страдания с кем-то».

Анисья. *Тожже даром что дура, забрала себе в голову: я, говорит, хозяйка* («Власть тьмы», д. 3, явл. 3).

Ср.: *брать / взять в голову* — «принимать во внимание» [12. Т. 1. С. 43].

В данном контексте ФЕ *забрать в голову* приобретает значение «Думать, считать».

В индивидуальном употреблении ФЕ часто приобретает новое значение. В следующем примере ФЕ получает значение «Поступать так же», как и другие, превосходя их»:

Крестьянин. *Да разве мы одни пьем? Погляди-ка, как ее попы окалыживают, за первый сорт. А бары-то тожже спуску не дают* («Проезжий и крестьянин»).

Ср.: *не давать / не дать спуску* — «Не прощать кому-либо, не оставлять без возмездия поступки, вредные действия и т.п.» [12. Т. 1. С. 173].

Обычно ФЕ *для души* реализуется в значении «Для удовлетворения внутренних потребностей, интересов» [12. Т. 1. С. 224]. В анализируемом примере ФЕ приобретает значение «Для спасения души», более близкое мировоззрению Толстого:

Проезжий. *Сами живем по-дьявольски, а на людей жалуемся.*

Крестьянин. *Это верно. Да только трудно, уж как трудно! Другой раз и не стерпишь.*

Проезжий. *А для души терпеть надо* («Проезжий и крестьянин»).

ФЕ *выпустить дух* употребляется в значении «Умереть, околеть» [12. Т. 1. С. 124], а в приведенном примере получает значение «делать тяжелый выдох после напряжения физических сил», которое выводится путем актуализаторов:

— *Вот как в наше время танцовали, та шère, — сказал граф.*

— *Ай да Данила Купор! — тяжело и продолжительно выпускает дух и засучивая рукава, сказала Марья Дмитриевна* («Война и мир», т. 1, ч. 1, гл. XVII; 9: 84).

Изменения коннотативного содержания ФЕ могут касаться оценки, экспрессивности, эмотивности. В следующем примере наблюдается появление ирониче-

ского смысла благодаря контекстуальному окружению, грамматическому варьированию и расширению компонентного состава:

— *Прежде этого не разбирали, — внушительным тоном сказал старик, — нынче только завелось это. Как что, она сейчас и говорит: «Я от тебя уйду». У мужиков на что, и то эта самая мода завелась. «На, говорит, вот тебе твои рубахи и портки, а я пойду с Ванькой, он кудрявей тебя»* («Крейцера соната», гл. I; 27:)

Ср.: *завести моду* — «Прост. Усвоить какую-либо определенную привычку, манеру поведения» [12. Т. 1. С. 239].

При буквализации на первый план выступает значение сочетания, которое лежит в образной основе ФЕ. В следующем примере наблюдается окказиональная замена глагольного компонента, связанная с художественным действием и мотивированная местом коммуникативной ситуации:

Анисья (вносит самовар). *Куда ставить-то?*

Никита. *Ставь на стол. Что, али сходила к старосте? То-то, говори да и откусывай. Ну, будет сердать-то. Садись, пей.* (Наливает ей рюмку.) *Вот и гостинчик тебе* («Власть тьмы», д. 3, явл. 15).

Ср.: *говори да оглядывайся* — «Будь осторожен в высказывании, в ситуации, которая может быть небезопасной для тебя» [12. Т. 1. С. 146].

В основе экспликации внутренней формы ФЕ как семантического преобразования лежит раскрытие в контексте образа, ставшего основой при появлении ФЕ:

Все это так просто, ясно и несомненно, что не понять этого нельзя; но кроме того, для того чтобы люди не могли придумать такие отговорки, по которым можно было бы не всегда исполнять эти требования, над людьми повешен еще на волоске Дамоклов меч, т.е. смерть, которая всякую минуту может постигнуть каждого человека и, если смерть есть полное уничтожение, лишит его возможности поправить сделанную ошибку, если же смерть есть возвращение к богу, то заставит его возвратиться к богу, не исполнив того несомненного закона, который он дал нам, посылая нас в жизнь (Письмо Ч.Н. Фойстеру, 17—26 октября 1894 г.).

Писатель использует древнегреческий миф [12. Т. 1. С. 377], который в приводимом контексте получает авторскую интерпретацию и актуализируется.

Анализ примеров показал, что Л.Н. Толстой прибегает к различным семантическим преобразованиям, для понимания которых важен контекст.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и другие русские писатели XIX в., Л.Н. Толстой в художественных произведениях, в публицистических, эпистолярных, мемуарных текстах активно пользовался фразеологическими ресурсами не только русского, но и иностранных языков. Однако функционирование фразеологии в языке Л.Н. Толстого имеет свои нюансы. Ряд фразеологических конфигураций в языке Л.Н. Толстого помогает семантизации, т.е. раскрытию значения единицы с писательской точки зрения, что важно для уточнения семантики ФЕ и пословиц и находит отражение при создании авторского фразеологического словаря: подчас писатель не просто реализует узуальное значение, а привносит смысловые оттенки. В контекстуальном

употреблении семантизация может осуществляться разными способами, язык Л.Н. Толстого содержит подобные доказательства: наиболее частотны примеры семантизации посредством синонимов. Наряду с узуальными синонимами Л.Н. Толстой использует контекстуальные синонимы. Другим способом семантизации является употребление однотипных по структуре синтаксических конструкций. Проведенный нами анализ доказывает, что контекст способствует реализации смысловых значений фразеологии, и происходит реализация инновационного потенциала: уточнение фразеологического значения или появление окказионального значения, формулировке которого в языке писателя помогает семантизация единиц в тексте, когда посредством «авторской самодефиниции» происходит толкование значения концептуально значимых для Л.Н. Толстого единиц. Смысловой реализации фразеологии способствует анализ фразеологических актуализаторов в составе контекста.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Архангельский В.Л.* (1964). Устойчивые фразы в современном русском языке [*Arkhangelsky, V.L. Stable phrases in modern Russian*]. Ростов-на-Дону.
- [2] *Жуков В.П.* (1978). Семантика фразеологических оборотов [*Zhukov, V.P. Semantics of phraseological units*]. Москва.
- [3] *Кунин А.В.* (1996). Курс фразеологии современного английского языка [*Kunin, A.V. The Course of modern English Phraseology*]. Москва.
- [4] *Кунин А.В.* (1964). Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря [*Kunin, A.V. Basic notions of phraseology as a linguistic discipline and principles of composing English-Russian phraseological dictionary*]: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. Москва.
- [5] *Ломакина О.В.* (2015). Роль фразеологических актуализаторов в смысловой реализации фразеологизмов и пословиц в тексте (на материале языка Л.Н. Толстого) [*Lomakina, O.V. The role of phraseological actualisators in the meaningful realization of phraseological units and proverbs in the text*] // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. № 2. С. 7—13.
- [6] *Мелерович А.М.* (1979). Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка [*Meleroovich, A.M. Problems of semantic analysis of phraseological units of modern Russian*]. Ярославль.
- [7] *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* (2008). Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка [*Meleroovich, A.M., Mokienko, V.M. Semantic structure of phraseological units of modern Russian*]. Кострома.
- [8] *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* (2011). Современная русская фразеология (семантика — структура — текст): монография [*Meleroovich A.M., Mokienko V.M. Modern Russian phraseology (semantics — structure — text): monography*]. Кострома.
- [9] *Мокиенко В.М.* (1989). Славянская фразеология [*Mokienko, V.M. Slavonic phraseology*]. Москва.
- [10] *Телия В.Н.* (1968). Типы преобразований лексического состава идиом [*Telia, V.N. Types of transformations of lexical content of idioms*]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- [11] *Федоров А.И.* (1973). Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в. [*Fyodorov A.I. The evolution of Russian phraseology at the turn of XVIII—XIX centuries*]. Новосибирск.

- [12] Фразеологический словарь русского литературного языка (1997) [Phraseological Dictionary of Russian literary language]. В 2-х тт. / Сост. А.И. Федоров. Москва.
- [13] Фразеологический словарь русского языка (2003) [Phraseological Dictionary of Russian language] / Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. Москва.

**REFLECTIONS OF PHRASEOLOGICAL
AND PROVERBIAL SEMANTIC INNOVATIONS
(on the base of Leo Tolstoy's language studies)**

O.V. Lomakina

St. Tikhon's Orthodox University
9, Plovayskaya str., Moscow, Russia, 109451
rusoturisto07@mail.ru

Currently, one of the topical issues of contemporary phraseology is studying of phraseological semantics. The article considers phraseological and proverbial semantic innovations in the texts of different styles and genres written by one author. Examples of some phraseological configurations are provided and semantization ways and means of phraseological units and proverbs in the text are analyzed in the article. The novelty of the study consists in the fact that the ways of the author's "self-definition" and its role in the shaping phraseological semantic understanding are described. Particular attention is paid to the semantic transformations of phraseological units in the text, by which phraseological units receive an additional semantic nuance, a new meaning or connotation's changing. The language of L. Tolstoy is used as illustrative material in the study.

Key words: phraseological context, semantization, phraseological unit, proverb, phraseological configurations, phraseological actualisator, semantic changes, L.N. Tolstoy language.